

Оружие — древнейшее изобретение человека. **Нож**, дубина, колье — все эти вещи были изобретены гораздо раньше колеса. Каждый этап развития человечества нашел свое отражение в оружии. По истории оружия — от каменного топора до межконтинентальной ракеты — можно проследить историю человечества.

Что же такое **оружие**? Что роднит между собой меч и револьвер, кастет и пулемет? «**Оружие**

— это предметы, предназначенные для поражения (ранения, выведения из строя, уничтожения) противника». Оружием мы называем вещи, предназначенные для того, чтобы помочь нам победить противника (порой в качестве противника выступает животное, тогда мы говорим об охотничьем оружии), вещи, предназначенные для того, чтобы сделать нас сильнее врага. Вещи, предназначенные для того, чтобы помочь нам сражаться. Вещи, предназначенные для боя.

«Каждая вещь имеет свои свойства» — так говорил китайский мудрец Чжуан Цзы две с половиной тысячи лет назад. «Каждый вид оружия имеет свой характер» утверждает сегодня японский мастер боевых искусств Хацуми. Свойствами предмета определяется возможность применения его в том или ином качестве. Подчеркиванием и усилением отдельных свойств предмета достигается его специализация. К примеру, копье и пика были получены путем усиления колющих свойств палки. А увеличив длину копья — его свойство, позволяющее поражать противника с дальней дистанции, на которой меч или топор еще бесполезны, получили саррису — семиметровое копье македонского пехотинца.

Совокупность свойств предмета создает его характер. Характер оружия в значительной мере диктует тому, кто использует это **оружие**, что ему следует делать. Так, например, форма рукояти некоторых боевых

ножей

вынуждает

бойца

держат

нож

одним из тех способов, которые принято считать правильными в европейских системах боя на

ножах

. Любой другой хват не годится — рука будет чувствовать себя неуютно и инстинктивно приведет к правильному положению.

Большинство видов оружия не навязывают столь жестко способ их использования, но характер оружия все же вынуждает его хозяина действовать определенным образом. Так, например, абсурдна попытка колоть цепью, невозможно резать гладкой палкой. Если владелец оружия сопротивляется естественному характеру оружия — это затрудняет или делает невозможными его действия, если же следует ему — он будет мастерски владеть им.

Однако у всех видов оружия есть одно главное свойство, одна доминирующая черта характера — это их предназначение, их цель. **Оружие** должно помогать нам сражаться, и оно помогает в этом даже тогда, когда мы того не хотим.

Оружие

создано для боя. Поэтому

оружие

«хочет» принять участие в бою, и это свое желание оно передает хозяину. Здесь есть своего рода парадокс: чтобы хорошо владеть оружием, надо действовать в согласии с его характером, но характер оружия побуждает к агрессии, вызывает желание вступить

в

бой

. Оружие вызывает ощущение силы и в то же время желание испробовать на ком-нибудь эту силу.

Это особенно хорошо заметно на примере личного оружия, но то же самое верно и в более крупных масштабах. Сильная армия зачастую вызывает у правительства желание пустить ее в ход вместо того, чтобы прибегнуть к переговорам. Это ощущение силы обычно ложно, тем не менее, оно обладает мощным влиянием на человека. Например, попробуйте подойти к незнакомой собаке с пустыми руками и с палкой; представьте себе, что ночью в глухом переулке к вам подходит мрачного вида человек — какой будет ваша первая реакция, первая мысль? — а теперь представьте себе ту же ситуацию, но у вас в кармане **нож** или пистолет — почувствуете разницу?

Оружие жаждет боя и зачастую при первых же признаках критической ситуации голос оружия оказывается сильнее голоса рассудка. Печально, но факт: часто **оружие**, носимое для самообороны, служит причиной ранения или даже гибели владельца. Это происходит из-за свойства оружия притягивать внимание, оно как бы говорит «Дай я попробую!» Если на человека неожиданно нападают с

НОЖОМ

, он обычно инстинктивно пытается закрыться, отскочить или оттолкнуть противника, словом, пытается защититься. Если же у этого человека при себе пистолет — обычно он сразу пытается выхватить его и застрелить нападающего, не предпринимая никаких действий, чтобы защитить себя — он больше заботится о том, чтобы поразить противника, чем о собственной безопасности — и, как следствие, часто оказывается ранен или даже убит. Порой ему удается застрелить нападающего, но если тот уже успел нанести удар — много ли в этом проку?

То же самое верно в отношении любого другого вида оружия: там, где безоружный человек пытается уклониться от боя, договориться или убежать — вооруженный надеется на силу оружия. Человек, носящий **оружие** (даже для самообороны), становится слишком уверен в себе, слишком самонадеян (вернее, он слишком надеется на свое оружие) — и в результате нередко попадает именно в ту ситуацию, которой хотел бы избежать. Так как он находится под, своего рода, гипнозом, он вместо того, чтобы попытаться уклониться от столкновения, хватается за оружие. Порой оружие явно побуждает своего владельца спровоцировать нападение или даже напасть самому без реального повода с другой стороны.

Влияние оружия на своего владельца столь сильно еще и потому, что в силу ряда исторических причин с оружием связана положительная коннотация. На подсознательном уровне человек связывает слово «оружие» с положительными

понятиями, такими как «честь», «доблесть», «благородство» и подобными им. Связано оружие и с еще одним расхожим стереотипом — с образом «настоящего мужчины». Казалось бы, должно быть ясно, что на самом деле в оружии нет и не может быть ничего положительного — и правда, что благородного можно найти в предмете, созданном лишь для убийства? — однако избавиться от стереотипов нелегко. Дилетанту и ученику очень тяжело преодолеть гипнотизирующее влияние оружия, только тем, кто достиг уровня мастера, удастся избавиться от такого наваждения.

Однако, если копнуть глубже, мы обнаружим одну интересную вещь: дело не столько в самом оружии, сколько в нашей убежденности в том, что данный предмет является оружием! Агрессивность не входит в число свойств самого предмета, однако, она главное (и практически единственное) содержание понятия «оружие».

«Вещи становятся тем, что они есть, когда люди дают им имена», говорил Чжуан Цзы. Свойства каждой вещи позволяют ей выступать во многих ролях, но лишь люди, не скованные множеством стереотипов, видят это достаточно ясно. В свое время одна из команд КВН перечислила 32 способа использования дуршлага, включая получение веснушек путем загорания и поиск мин путем просеивания — шутка, конечно, но в каждой шутке есть доля мудрости. В принципе такой подход возможен для любого предмета — уловив его свойства, найти ему множество применений. Практически любой предмет обладает свойствами оружия, но те предметы, которые свободны от ярлыка «оружие», не оказывают агрессивного влияния на своих владельцев. Более того, даже предметы, созданные как оружие, не проявляют своей агрессивной склонности, если их хозяева не фокусируются на этом факте или просто не знают об этом.

В свое время в российской глубинке у одной крестьянки нашли широкий бирманский меч, который ее отец привез еще в молодости с японской войны. Когда ей предложили выкупить меч для музея, женщина очень удивилась. Она все это время шинковала им капусту, для этой цели тяжелый и острый как бритва клинок подходил идеально, так как первоначально предназначался для рубки куда более твердых вещей. У другой женщины в Белоруссии участковый милиционер обнаружил немецкий стилет, который она использовала для огородных работ — рыхления почвы, пикировки рассады. Узнав о том, что это оружие, женщина была поражена — она была уверена в том, что это заграничный сельскохозяйственный инструмент. В квартире одной домохозяйки нашелся кастет, которым она колола орехи — так было удобнее, чем молотком.

Показательно, что во всех трех случаях речь идет о женщинах — мужчины традиционно получают милитаристское воспитание и поэтому испытывают определенное влечение к

оружию. Мужчина быстро определил бы, с какого рода предметом он имеет дело — и, как следствие, скорее всего, попал бы под агрессивное влияние стереотипа «оружие». Отсутствие же знания о предназначении этих вещей превратило оружие в мирные бытовые предметы.

Зачастую имеет место обратный процесс — бытовые предметы, обладающие поражающими свойствами, используются как оружие. Так, например, все виды оружия, применяемые в кобудо и каратэ являются адаптированными сельскохозяйственными инструментами: нунтяку первоначально использовалось как цеп для обмолота риса, тонфа — как рукоять для вращения жернова домашней мельницы, сай - как инструмент для рыхления почвы (вспомните женщину, использовавшую стилет для работы в огороде), кама — как серп для жатвы риса и т.п. Любой предмет, который мог подвергнуться под руку в разгаре боя, считался в Китае и в Японии оружием. Во время первой и второй мировых войн в рукопашном бою часто использовались саперные лопатки — свойства лопатки, позволяющие ей втыкаться в мерзлую

землю и разрубать корни деревьев, превращали ее в грозное оружие. В наши дни существует множество школ самообороны, где учат использовать в качестве оружия всевозможные бытовые предметы — ключи, карандаши, книги, сумки и т.п.

«Вещи становятся тем, что они есть, когда люди дают им имена». Предметы сами по себе не имеют строго определенного предназначения. Предметы имеют лишь свойства, поэтому только от их владельцев зависит то, как тот либо иной предмет будет использован. Лопата не орудие, предназначенное, чтобы копать землю. Лопата, это предмет, свойства которого делают его подходящим для того, чтобы копать землю, как и для ряда других действий. Например, для отрубания вражеских конечностей.

Предметы универсальны. «Предназначение» - лишь стереотип. Любой предмет можно использовать многими способами. Возьмем, к примеру «пуукко» — традиционный финский **нож**. Испокон веков этот **нож** использовался финнами для всевозможных бытовых целей — нарезать хлеб, почистить рыбу, вырезать игрушку из дерева. По сей день в каждом доме в Финляндии найдутся один-два таких

ножа

, главным образом для работы на кухне или для рыбалки. В глазах финнов «пуукко» вообще не является оружием. Однако в России тот же самый финский

нож

известен как «фин-ка» — типичное оружие уголовника, ношение такого

ножа

противозаконно и наказуемо. Вещь та же самая, но отношение к ней другое — и в результате мы говорим как будто о двух разных предметах, один из которых — универсальный рабочий инструмент, а другой — бандитское оружие.

Разница между «не оружием» и «оружием» лежит в нашем сознании. Порой достаточно лишь заменить имя, чтобы превратить один предмет в другой. В какой-то вещи мы можем заметить ее пригодность для того, чтобы колоть орехи и назвать ее «орехоколом» или «колотушкой», но тот же самый предмет можно использовать для разбивания голов, и тогда речь пойдет о «кастете». Наша проблема в том, что дав однажды вещи имя, мы тем самым определяем для себя ее применение. У Честертона есть детективный рассказ, в котором жертву убили стрелой и все искали лучника — никому не приходило в голову, что стрелой можно заколоть — так же, как **НОЖОМ** или шпагой.

Решив однажды, что та или иная вещь пригодна для каких-то определенных действий, мы как бы закрываем для себя возможность использовать ее по-другому и лишь человек, не закрепощенный стереотипами, видит множество применений каждой вещи. Как мудр был по даосским понятиям парнишка («Принц и нищий» Марка Твена), колотивший орехи большой государственной печатью!

«Совершенный человек» превращается в толкущего рис, когда он толчет рис». Ни одна вещь не является «оружием» или «не оружием» сама по себе. Топор превращается в плотницкий инструмент, когда им тешут бревно, он же становится оружием, когда им наносят удар по голове противника. Любая вещь может выступать во многих ролях, в том числе и в роли оружия, но чтобы ясно понять это, надо освободиться от стереотипов, сковывающих сознание. Не существует «оружие» или «не оружие» как таковое, есть только разные предметы, и то, как мы будем их применять, зависит лишь от нас самих.

Европеец привык к жестко установленным функциям предметов, например, тарелка для него — лишь тарелка, а меч — не более, чем меч. Поэтому в Европе человек мог быть

известен как мастер боя только при том условии, что он профессионально фехтовал на мечах (однако, лишившись меча, такой боец оставался беззащитным — его мастерство было привязано к оружию). На Востоке же, особенно в Китае, отношение к вещам всегда было другим. Истинным мастером считается там не тот, кто в совершенстве владеет мечом или копьем, но тот, кто в случае необходимости может использовать любую вещь сообразно с ее свойствами для достижения своих текущих целей. Его мастерство заключено в нем самом и не зависит от каких-то конкретных предметов. Такой человек может использовать тарелку вместо метательного **ножа**, а меч вместо лестницы: он использует предметы в соответствии с их свойствами, подходящими ему в данный момент, а не «согласно с их предназначением». Он может владеть алебардой, кистенем или кинжалом, но если обстоятельства вынуждают его вступить в

бой

, не имея под рукой привычного оружия, он способен вооружиться лопатой, поясом или осколком стекла, сорванной с дерева веткой или снятым с ноги башмаком — и такое «оружие» будет в его руках не менее эффективным.

Более того, такой человек не только мастер боя, он мастер жизни. Любая вещь в его руках послушно раскрывает свои свойства, нужные ему в данный момент; он работает — и вещь становится инструментом, он сражается — и вещь превращается в оружие, он отдыхает — вещь служит предметом обстановки. Эту особенность легче всего понять на примере играющих детей: ребенок ведь не скован глупыми правилами взрослых. Посмотрите на ребенка, играющего с палкой: вот он скачет верхом, а палка — это его верный конь, вот она превращается в меч-кладенец, в дерево, под которым он прячется от дождя, в мачту корабля, в ружье, в подзорную трубу... Это выглядит смешно, но в этом и есть путь Дао — находиться в гармонии с вещами и тем самым использовать их оптимальным образом в каждый момент, извлекать из них наибольшую пользу. Человек, постигший истинную суть вещей, будет гармонично приспосабливаться к каждой вещи, как вода приспосабливается к форме сосуда, и вещи будут для него только тем, что ему нужно в данный момент. Сами вещи для него не имеют предназначения — лишь их свойства, в соответствии с которыми он использует эти предметы в той или иной ситуации. Это ли не лучший путь — быть в гармонии с вещами?

Оружия не существует. «Оружие» — всего лишь ярлык, который мы навешиваем на предмет, когда хотим использовать его для боя, это проекция на предмет наших собственных агрессивных намерений. Назвав какую-то вещь «оружием», мы сами загоняем себя в тупик. Во-первых, решив, что эта вещь «предназначена для боя», мы лишаем себя возможности использовать её свободно, по своему усмотрению, так как устанавливаем ей жесткое предназначение. Во-вторых, мы подвергаем себя агрессивному воздействию стереотипа «оружие»: являясь владельцем предмета, «предназначенного для боя», мы автоматически начинаем готовиться к бою — по крайней мере, на ментальном уровне.

А что, если нам отказаться от оружия? Нет, это не призыв сражаться голыми руками. «Вы не обезьяна — используйте орудия!» Одно из главных отличий человека от прочих живых существ в том, что он может в различных ситуациях обеспечить себе преимущество за счет сознательного использования тех или иных предметов. Если у вас есть преимущество, было бы глупо добровольно лишиться его, а уж тем более в бою, когда ставкой зачастую служит жизнь. Отказ от оружия не подразумевает отказ от самого предмета, называемого «оружием». Отбросить следует лишь то отношение к предмету, которое заставляет нас называть его «оружием». Не думать о предмете, как о своего рода волшебной палочке, которая сделает нас сильнее и поможет одержать вверх над противником, как о вещи, предназначенной только для боя.

Предметы, с которыми мы тренируемся, могут стать для нас инструментом самосовершенствования, самовыражения, поиска гармонии. Упражнения с предметом позволяют лучше узнать этот предмет, познакомиться с его свойствами (зачастую довольно неожиданными), его характером, помогают войти в столь полную гармонию с предметом, что он становится как бы вашей частью, одним целым с вами. Это одна из причин, по которым в большинстве школ китайского ушу и в некоторых японских «рю» кроме отработки традиционных форм поощряется также вольная работа с предметами — ученик открывает для себя все больше и больше свойств того же предмета, порой новых даже для учителя (так, на одном из семинаров по ниндзюцу ученики предложили использовать вспышку фотоаппарата для того, чтобы ослепить противника — это поразило даже учителя, проводившего семинар, так как он привык рассматривать фотоаппарат в футляре с ремешком как своего рода кистень, и использовать его

соответственно).

Вольная работа с предметами позволяет выйти за рамки традиционного мышления. Между тем, в большинстве восточных школ боевых искусств главный акцент делается на шлифовку традиционных форм, вольные упражнения не приветствуются, а то и просто запрещены. В результате формируется стереотип: «это единственный правильный способ применения данного предмета, не стоит даже пытаться использовать его по-другому». Тренировки с предметами являются также средством ментального развития, так как, требуя от ученика предельного сосредоточения, они превращаются в, своего рода, медитацию в движении, с предметом в качестве объекта медитации. Если же в реальной ситуации мы будем вынуждены принять **бой**, то предмет, которым мы воспользуемся — будь это зонтик или

НОЖ

, дубинка или сумка — станет эффективным инструментом, облегчающим решение

текущей задачи.

Такой отказ от оружия может стать для нас новой ступенью в изучении боевых искусств. Грубые орудия убийства исчезнут и останутся только предметы с их многочисленными свойствами. Исчезнет «оружие», предназначенное для «боя» и останутся лишь вещи, способные сообразно своим свойствам играть сотни ролей в сотнях ситуаций — ограничением станет лишь ограниченность нашей фантазии. Чем богаче фантазия, тем больше способов применения каждой вещи мы сможем увидеть. Упадут ограничивающие и закрепощающие стены стереотипов и перед нами откроются новые возможности. Звучит как парадокс, но отказ от оружия ведет к прогрессу в тренировках с предметами.

Отказавшись от стереотипа «оружие», мы сможем увидеть вещи такими, какие они есть, а не такими, какими их принято видеть и откроем для себя множество новых, лучших, более полных путей их использования. И тогда отказ от оружия станет для нас еще одним шагом на пути к совершенству в искусстве боя.

Алекс Левитас